

УКРАЇНА В СИСТЕМІ МІЖНАРОДНИХ ВІДНОСИН

УДК 327 (477)

Василь Ткаченко

ФЕНОМЕН “ВНУТРЕННЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ” В УКРАИНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье анализируется современное понимание феномена “внутренней колонизации” на примере украино-российских отношений XVII–XXI веков.

Ключевые слова: внутренняя колонизация, национальная идентичность, инородцы, экзотизация Украины, гибридизация образа украинцев, “украинизация” русской культуры, русификация украинцев, украино-российский консенсус, идентичность сопротивления.

Всякому делу свой час и своя пора. Ныне мы остро ощущаем необходимость познать истину, которая должна сделать нас свободными. Даже с поправкой на то, что “кто умножает знания, тот умножает печаль”. Однако, как это ни прискорбно, в новейшей истории двух независимых государств – Украины и Российской Федерации – все-таки “время строить” циклически чередуется со временем “разбрасывать камни”.

Так, в 2009 году заместитель директора “Левада-Центра” Алексей Гранаткин констатировал, что после войны в Грузии отношение России к Украине резко ухудшилось. Этот сдвиг в общественном мнении России проявился в том, что если в июле 2008 года к Украине плохо относилось 37% россиян, то уже осенью – 53%. В роли главной причины сдвига назывался курс президента Украины Виктора Ющенко, который квалифицировался как проамериканский. Вскоре ситуация еще больше ухудшилась: после “газовой войны” декабря 2008 года этот негативный показатель достиг рекордных 62%. В создавшейся ситуации огорчало то, что россияне и украинцы связаны между собой не только историческим прошлым, общими границами, но и семейными узами. У многих украинцев живут родственники в России, соответственно, у многих россиян – родственники в Украине. Часто от россиян можно было услышать, что украинцы – это родной нам народ, но вот, дескать, им не повезло с властью. При этом мало кто отдавал себе отчет в том, что отрицательное отношение к государству может со временем перерасти в плохое отношение и к самому народу.

Ранимая идентичность

Придерживаясь принципа политкорректности, мы не станем со стороны Украины вдаваться в подробности кто и зачем после “оранжевой революции” 2004 года разжигал в России антиукраинскую кампанию в СМИ, тем более что и украинское руководство того периода грешило час от часу заявлениями, которые так и напрашивались на пропагандистские оценки со стороны журналистов. Особенно это касалось вопросов истории, на счет которых с украинской стороны подчас излагались весьма экзотические взгляды и оценки. И, тем не менее, в этой непростой ситуации общественное мнение Украины в целом выглядело достойно: по оценкам Киевского международного института социологии (КМИС), большинство украинцев, невзирая на различные пропагандистские кампании, продолжали хорошо относиться к России. И дело здесь вовсе не в каком-то психологическом парадоксе мировосприятия украинцев. Скорее речь может идти об относительно достаточной информированности. Так, комментируя этот феномен, социологи акцентировали внимание на присутствии плюрализма мнений в украинских СМИ, где

журналисты, как правило, подавали две и больше точек зрения на проблему. Возможно, это и сыграло не последнюю роль в том, что положительно к России в 2009 году относилось 90% респондентов, а отрицательно – в пределах 6–7%. [1].

С чувством удовлетворенности украинцы воспринимали и некоторые сдвиги в отношении россиян к Украине: согласно сентябрьского 2012 опроса “Левада-Центра”, на вопрос “Как вы в целом относитесь сейчас к Украине?” ответили “очень хорошо” или “в основном хорошо” 74% респондентов. Это не 90% как в Украине, но все же и не так мало, как было раньше. Но и здесь присутствуют проблемы. Как мне кажется, кроме традиционных “газовых”, во многом наносят вред и периодические продовольственные “торговые войны”. То Россия запретила ввоз украинских сыров, то вдруг через день-два после праздничных лобызаний по случаю 1025-летия принятия христианства на Руси Российская Федерация запретила ввоз украинских сладостей украинской фирмы “Рошен”. Потом это коснулось и других украинских товарных потоков: на российских таможнях был установлен жесткий режим, который, впрочем, со временем был ослаблен.

Ладно бы эти вопросы решались в установленном порядке на межгосударственном уровне. Но ведь они постоянно сопровождаются массовой пропагандистской кампанией в СМИ. Все это сказывается на формировании общественного мнения. А в итоге создается суммарный повод для огорчения: что ни говори, а за последние 20 лет Украина в мировоззрении жителей России превратилась в один из самых противоречивых внешнеполитических образов. Она выступает как единственное государство, которое россияне, по данным опросов “Левада-Центра”, записывают сегодня и в топ-10 друзей России (где Украина на пятом месте после Белоруси, Казахстана, Германии и Китая) и, одновременно, в топ-10 ее врагов (шестое место вслед за Грузией, США, и тремя странами Балтии).

При этом сами же российские эксперты отмечают такой досадный факт, что отношение к украинцам резко улучшилось за последние годы не в последнюю очередь на фоне “кавказофобии”, что не может огорчать и самих украинцев. Социолог Денис Волков объясняет этот феномен тем, что в больших городах, куда хлынул поток кавказских и азиатских мигрантов, украинцы как приезжие не вызывают неприязни прежде всего потому, что их “не видно” [2]. То есть – они демонстративно не подчеркивают свою этническую принадлежность, и это каким-то образом сглаживает общение с русскими, хотя такой уровень восприятия русскими национальной идентичности других народов тоже вызывает ряд вопросов

К сожалению, нарастанию уровня толерантности между россиянами и украинцами резко претят интернет-конфликты на этнической почве. В онлайн-обсуждениях присутствует набивший оскомину набор стандартных обвинений: “хохлы” воруют газ, Украина стремится вступить во враждебное НАТО, бандеровцы-предатели угнетают российское население Украины. В ответ следуют упреки в стремлении “москалей” расчленивать Украину. Психологи пытаются объяснить такую ярость попыткой пользователей Интернета компенсировать свои нереализованные возможности – и личные, и национальные. Но в этих объяснениях мало утешения. Согласно экспертному суждению Юлии Мак-Граффи, главного редактора интернет-издания *Корреспондент.net*, новости об украинско-российских отношениях часто превращаются в “своеобразную красную тряпку для комментаторов”. Эти новости не только наиболее читаемы, но и вызывают больше всего откликов посетителей, нередко агрессивных. Такого рода информационная война мешает находить взаимопонимание между народами по многим спорным вопросам и конфликтным моментам – как исторического прошлого, так и настоящего. Более того – на бытовом массовом уровне закрепляются предрассудки, отягощенные спекуляциями политтехнологов.

В создавшейся ситуации, на мой взгляд, украинским пользователям Интернета следовало бы учитывать некоторые моменты социальной и политической психологии. В частности тот момент, что жители Российской Федерации в течение последних 20 лет пережили острые этнические конфликты, варварские теракты и разрушительные военные действия. Все это, безусловно, усиливало межэтническое напряжение в стране. Следует

относиться с пониманием и к тем проблемам, которые были обозначены в выступлении президента Российской Федерации Владимира Путина на заседании клуба “Валдай” осенью 2013 года. Речь идет о том, что “сегодня Россия испытывает не только объективное давление глобализации на свою национальную идентичность, но и последствия национальных катастроф XX века, когда мы дважды пережили распад нашей государственности. В результате получили разрушительный удар по культурному и духовному коду нации, столкнулись с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества, с дефицитом взаимного доверия и ответственности. Именно в этом многие корни острых проблем, с которыми мы сталкиваемся. Ведь вопрос ответственности перед самим собой, обществом и законом – один из основополагающих не только в праве, но и в повседневной жизни” [3].

Соответственно и российской стороне следовало бы осознать, что длительный период пребывания Украины в статусе “внутренней колонии” Российской империи не мог не вызвать своеобразный компенсаторный “эффект бумеранга”, провоцируя феномен если не исторического реванша, то, во всяком случае, феномен идентичности сопротивления – “Украина – не Россия” (Леонид Кучма). Того реванша и сопротивления, который следует перевести в исторический диалог двух народов. В частности, диалог относительно украинской и российской идентичности, переосмысливания доставшегося нам исторического наследия, углубленного анализа современных глобальных вызовов и разрешения проблемы идентичности в первую очередь через призму этих вызовов.

Феномен “внутреннего колониализма”

Было бы наивным полагать, что вывести общественное мнение Украины и России из турбулентного информационного поля могла бы в одночасье высокая академическая наука. Одной ей это не под силу. Но и без ее фундаментальных разработок, которые рано или поздно будут все-таки востребованы обществом – как гражданами, так и политическим классом – нормализовать отношения между двумя странами никак не получится. В этом контексте книга “Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России”, изданная 2012 года в Москве под редакцией Александра Эткинда, Дирка Уффельмана и Ильи Кукулина может быть рассмотрена как этапный труд в весьма перспективном исследовательском направлении.

Конечно, колониальный, антиколониальный и постколониальный дискурсы заявили о себе в общественно-политической мысли не сегодня и не вчера. Речь идет как о зарубежных изданиях, так и об отечественной научной продукции. И в этом многотрудном процессе выработки самосознания, как говорится, не каждое лыко в строку. Для этого достаточно вспомнить хотя бы известное положение, что история есть организованное воспоминание, и организованное забытие. В случае многонациональной Российской Федерации, подчеркивается в книге, особенно важным является то, что вспоминают друг о друге составляющие ее народы, ибо, по Эрнесту Ренану “сущность нации состоит в том, что все индивиды, ее составляющие, имеют много общего, но забыли многое, что их разъединяет” [4].

Впрочем, этот дискурс касается и Украины, учитывая значительную составляющую в ее народонаселении представителей русского этноса. Вполне понятно, что во время формирования новой исторической общности “советский народ” монополично правящая КПСС проводила линию, зафиксированную в приснопамятных тезисах к 300-летию воссоединения Украины с Россией. В этом документе “красной нитью” проходила идея об извечном стремлении украинцев воссоединиться с братским российским народом. И наоборот – после распада Советского Союза лейтмотивом многих исторических исследований стал тезис о единодушном стремлении украинцев к независимости от гнета Российской империи. То есть, маятник общественного мнения качнулся в другую сторону и, соответственно, имперский дискурс советских времен был заменен в последнее двадцатилетие дискурсом антиимперским.

На мой взгляд, в этот непростой в украино-российских отношениях час следовало бы уделить большее внимание дискурсу постимперскому. Ныне украинцам и россиянам приходится находить взаимопонимание исходя из факта существования двух независимых государств на принципах взаимности и добрососедства. Каждое государство – и Российская Федерация, и Украина – преследуют свой национальный интерес, и от этого никуда не деться. А потому придется научиться слышать друг друга с учетом того, что не все исторические факты имеют для разных народов одинаковую ценность, тем более что события прошлого не всегда могут претендовать на одинаковую оценку. Тем не менее, диалог следует продолжать и находить взаимопонимание.

С точки зрения определения роли и места Украины в контексте “внутреннего колониализма” хотелось бы остановиться на некоторых исходных пунктах научного труда “Там внутри”. Прежде всего, привлекает внимание *определение внутренней колонизации как применение “практик колониального управления и знания внутри политических границ государства”*. То есть, центральным пунктом является государственная политика по отношению к завоеванным или присоединенным народам. Но тут же следует оговорка, что “границы России расширялись и в доимперский, и в имперский периоды с такой скоростью, что само отличие “внешнего” от “внутреннего” было текучим и неопределенным”. Вот эта “текучесть” и “неопределенность” и является причиной того, что вместо четко структурированных дефиниций в исследовании приходится прибегать к различным метафорам, которые где-то и помогают глубже “прощупать ситуацию”, но не могут претендовать в полной мере на статус *систематизированного знания*. То есть, – вычленить какую-то универсальную “модель” внутреннего колониализма, а тем более выстроить надлежащую матрицу на сегодняшний день пока что маловероятно, а потому понятие “внутренний колониализм” все еще остается во многом подвижным и трудно фиксируемым.

То же относится к понятию “инородцы”, где представления о сословии, религии и этнической принадлежности могли варьироваться, наполняться различным ситуативным смыслом, а формы культурно-политического отношения к ним могли быть одновременно и универсальными, и локализованными. Это сказывалось и на практическом осуществлении имперской политики России: она сильно варьировалась – от максимально возможной ассимиляции этносов, до военно-административных силовых методов управления или прямого “выдавливания” с занимаемых ими территорий. Впрочем, как отмечается в книге, бывали случаи, когда имперские власти никак не могли определить цели и курс своей политики в отношении некоторых этносов, “доставшимся” им вместе с территорией [5].

Окончательно осложняет исследовательские задачи и то, что характерные феномены колониализма в России “чаще всего были обращены внутрь собственного народа” – их называли внутренней колонизацией, самоколонизацией или же вторичной колонизацией собственной территории. Этот процесс сопровождался не только эксплуатацией экономических и людских ресурсов, но и культурным прессингом на самих же русских: в ряде случаев попытки ассимиляции этнических меньшинств угрожали необходимостью ввести такое определение русскости, которое не могло удовлетворить самих русских, или приводило к возвышению “инородцев” над самим русским населением [6].

Таким образом, актуальной задачей, на мой взгляд, все еще остается определение какой-то фиксированной “исходной точки” для определения надлежащей исследовательской системы координат. В противном случае восторжествует постмодернизм – ибо “если Бога нет, то все позволено”. В этой ситуации, как мне представляется, следует продолжать дискурс в обозначенном направлении “внутреннего колониализма”, но не столько по линии узкодисциплинарной, сколько путем выхода на метадисциплинарный уровень. Очень даже может быть, что это приведет, в конце концов, к какой-то обобщающей концепции, а в дальнейшем – и более четкой структуре и исследовательской матрице.

Что же касается трактовки “внутреннего колониализма” по отношению к украинцам и белорусам, то здесь, судя по всему, подход не только весьма конструктивен, но и показателен в контексте отхода от устарелых взглядов. Как показывают стереотипы

сознания, которые очень омрачают современные украино-русские отношения, парадокс состоит в том, что украинцы со стороны русских никогда не считались “инородцами”. Их просто чохом зачисляли “русскими”, и тем самым лишили права считаться отдельным народом. Украинский язык же рассматривали как диалект великорусского наречия. Поэтому нельзя не согласиться с авторами “Там внутри”, что “самым ярким примером неразграничения внешнего и внутреннего, “исконного” и экзотического в истории России является история управления Украиной и ее восприятия в культуре... На политическом уровне шла гомогенизация империи, на культурном – экзотизация Украины и представление ее как пространства, где предки жителей Москвы и Петербурга исповедовали древние, ныне забытые, но таинственные и жутковатые языческие обряды. Украина не только в русской, но во многом даже и в украинской культуре... стала локусом смешения и затрудненного различения “своего” и “чужого” и, таким образом, сохранила свой “пограничный” статус, которого она после ликвидации автономии Гетманщины не имела политически” [7].

С точки зрения политкорректности привлекает внимание еще одна важная, заявленная авторским коллективом позиция. Они убеждены, что, “любые проявления российско-имперского нарциссизма неприемлемы, поскольку заставляют забыть о жертвах российского внешнего колониализма... Мы стремились к тому, чтобы в рисуемой нами картине имперского прошлого нашлось бы место для жертв и для агентов колониализма и внешнего, и внутреннего” [8]. Следует отметить – с точки зрения России это ново и показательно. Однако, на мой взгляд, с точки зрения современной Украины было бы некорректно и неконструктивно принять на себя роль исключительно “жертвы” колониализма, как это характерно для антиколониального дискурса. С одной стороны, нельзя забывать, что значительный контингент украинского политического класса очень даже активно выступал в роли агента имперского строительства. А с другой стороны – психология “жертвы” с точки зрения задач нынешнего украинского общества весьма уязвима и двусмысленна: она могла быть допустимой разве что на мобилизационном этапе конструирования “идентичности сопротивления”, но вряд ли становится конструктивной на нынешнем этапе формирования “идентичности проекта будущего” для Украины.

Вот эти последние соображения, по существу, и станут рабочей гипотезой в дальнейшем изложении материала.

Креативная метафора

Прежде всего, есть смысл пока что принять “метафоричный” подход авторов “Там внутри”, который сформулирован следующим образом: “Вопрос для нас состоит не в том, верна ли модель внутренней колонизации, а в том, может ли эта метафора принести эвристическую “добавленную стоимость”. На наш взгляд, она вполне допустима при интерпретации культурной и социальной истории империи, так как колонизация основана на “сверхэкономическом” производстве культурных различий – производстве, которое порождает не только экономические, но прежде всего культурные и антропологические последствия” [9].

Возьмем и мы для примера тот идеал “всесторонне верноподданнической личности”, который российское самодержавие стремилось сформировать, а в дальнейшем и эксплуатировать в Украине. Лучшей иллюстрации, чем встреча с запорожцами Екатерины II и князя Потемкина в “Ночь перед Рождеством” Н. Гоголя, вряд ли мы найдем:

Запорожцы прошли еще две залы и остановились. Тут велено им было дожидаться. В зале толпилось несколько генералов в шитых золотом мундирах. Запорожцы поклонились на все стороны и стали в кучу.

Минуту спустя вошел в сопровождении целой свиты величественного роста, довольно плотный человек в гетьманском мундире, в желтых сапожках. Волосы на нем были растрепаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная величавость, во всех движениях видна была привычка повелевать... Гетьман... едва кивнул головою и подошел к запорожцам.

Запорожцы отвесили все поклон в ноги.

- Все ли вы здесь? – спросил он протяжно, произнося слова немного в нос.

- *Та вси, батько!* – отвечали запорожцы, кланяясь снова.

- Не забудете говорить так, как я вас учил?
- Нет, батько, не позабудем.
- Это царь? – спросил кузнец одного из запорожцев.
- Куда тебе царь! Это сам Потемкин, – отвечал тот.

В другой комнате послышались голоса... Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос:

- Помилуй, мамо! помилуй!

Кузнец, не видя ничего, растянулся и сам со всем усердием на полу.

- Встаньте, прозвучал над ними повелительный и вместе приятный голос. Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев.

- Не встанем, мамо! не встанем! умрем, а не встанем! – кричали запорожцы.

Потемкин кусал себе губы, наконец подошел сам и повелительно шепнул одному из запорожцев. Запорожцы поднялись...

- Светлейший обещал меня познакомить сегодня с моим народом, которого я до сих пор не видала, – говорила дама с голубыми глазами, рассматривая с любопытством запорожцев. – Хорошо ли вас здесь содержат? – продолжала она, подходя ближе.

- *Та спасибі, мамо!* Провиант дают хороший, хотя бараны здешние совсем не то, что у нас на Запорожье, – почему ж не жить как-нибудь?..

Потемкин поморщился, видя, что запорожцы говорят совершенно не то, чему он их учил...

Один из запорожцев, приосанясь, выступил вперед:

Помилуй, мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневили? Разве держали мы руку поганого татарина; разве соглашались в чем-нибудь с турчином; разве изменили тебе делом или помышлением? За что ж немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь везде строить крепости от нас; после слышали, что хочешь *повернуть в карabinеры*; теперь слышим новые напасти. Чем виновато запорожское войско? тем ли, что перевело твою армию через Перекоп и помогло твоим генералам порубать крымцев?..

Чего же хотите вы? – заботливо спросила Екатерина.

Здесь Н. Гоголь свел суть разговора до просьбы кузнеца подарить его невесте черевички. В итоге писатель ушел от того, чтобы озвучить требования украинского казачества, однако вместо этого вскрыл откровенно колониально-покровительственный характер аудиенции, где и царский двор, и запорожцы вели себя соответственно моменту: запорожцы изображали простоватую глуповатость, а Екатерина II источала свои симпатии к “поющему и пляшущему племени”.

Однако ж, – продолжала государыня, обращаясь снова к запорожцам, – я слышала, что на Сечи у вас никогда не женятся.

- Як же, мамо! ведь человеку, сама знаешь, без жинки нельзя жить, – отвечал тот самый запорожец, который разговаривал с кузнецом, и кузнец удивлялся, слыша, что этот запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием. “Хитрый народ! – подумал он сам в себе, – верно, не даром он это делает”.

- Мы не чернецы, – продолжал запорожец, – а люди грешные. Падки, как и все честное христианство, до скоромного. Есть у нас не мало таких, которые имеют жен, только не живут с ними на Сечи. Есть такие, что имеют жен в Польше; есть такие, что имеют жен в Украине; есть такие, что имеют жен и в Турещине.

В этом отрывке Н. Гоголя ярко и многогранно отразилась та политическая и культурная ситуация, которая сложилась в Российской империи относительно Украины. Прежде всего, произошла колониальная ориентализация Украины, где запорожцы виртуально представляли из себя эдакую экзотическую группу, для описания которой, по мнению присутствующих в гоголевском сюжете российских сановников, уместно было бы перо Лафонтена. Украинцы в имперском дискурсе выступали в роли тех “других”, “иных”, которые якобы ведут нецивилизованный образ жизни и поэтому постоянно нуждаются в дисциплинировании со стороны князя Потемкина. Во-вторых, в наведенном отрывке происходит фольклорная стереотипизация украинцев, сопровождающаяся добродушно-снисходительным отношением императрицы к своему “поющему и пляшущему племени”. Однако, в третьих, в творчестве Н. Гоголя в экзотический образ украинца включается такая сугубо русская, с точки зрения официальных идеологов, черта как православное вероисповедание. А это, дескать, в корне меняет ситуацию. Ведь в итоге происходит гибридизация образа украинцев, ибо последняя характеристика как бы возвышает их над “инородцами” – татарами, турками и поляками – и

тем самым навеки определяет дальнейший путь украинцев к ассимиляции в качестве демографического донора русского народа.

Эвристической “добавленной стоимостью”, проистекающей из анализа метафоричности Н. Гоголя, может быть, на мой взгляд, расширение диапазона дискурса о “внутренней колонизации”. Как уже говорилось, речь идет, прежде всего, *о необходимости решительного смещения акцента от полемики в рамках “имперский/антиимперский” – в сторону более последовательного постимперского, самокритического дискурса украинцев по отношению к самим себе*. Например, в приведенном диалоге царицы и запорожцев нельзя однозначно прийти к заключению – чем же объяснить такую витиеватую, хитровато-угодническую манеру изложения запорожцами своих просьб. Почему они приняли эти имперские правила игры, внося в этот замысловатый церемониал и протокол свои хитроумные ремарки и полунамёки? Все ли дело в насилии и глумлении над украинским народом?

Или, может быть, имперская форма правления, при всех своих изъянах и недостатках, на определенном этапе своего развития в чем-то главном соответствовала миропониманию украинцев и осознанию ими своих национальных устремлений?

Две культуры: имперский диалог

Понимаю, что последний тезис будет активно оспорен и осужден некоторыми украинскими ура-патриотами как якобы проявление “низкопоклонства перед старшим братом”, но все же остаюсь при убеждении в креативности и перспективности именно этого подхода, последовательно отстаиваемого мной и соавторами в годы независимости Украины [10]. Рассмотрим некоторые аргументы в подтверждении этого подхода.

Национальные устремления России в XVII веке формировались под воздействием вызова – глубоких потрясений государственного и общественного строя в период “смутного времени” (оккупация Москвы времен Лжедмитрия). Этот вызов дал мощный импульс к европеизации России. Государство все чаще стало приобщать иностранцев к реформированию армии, производства вооружений, металлургии, торговли. Из книг, переведенных из латинского и польского языков, проникали основы научно-технических знаний, хотя в сфере гуманитарной все еще придерживались унаследованных канонов традиционных форм.

Однако это столетие принесло с собой и эмансипацию культуры от пут старых форм. На смену Псалтырю приходили буквари. Выходцы из белорусских и украинских земель, закончив Острожскую или Киево-Могилянскую академии, создавали в Москве очаги просвещения. Уже во время царствования Алексея Михайловича для исправления церковных книг были приглашены киевские ученые – Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и другие. Реформирование Петром Великим Московской духовной академии было не чем иным, как внедрением административным порядком того, что уже было ранее в Украине.

По этому поводу известный ученый-языковед Н.Трубецкой в статье “К украинской проблеме”, изданной в 1927 году в эмиграции, акцентировал внимание на специфике русско-украинских взаимосвязей. Он считал, что в XV, XVI и первой половине XVII в. культура Руси-Украины и культура Московской Руси развивались настолько разными путями, что к середине XVIII в. различие между ними было уже чрезвычайно глубоким. Однако украинское национальное сознание, как и русское, тогда еще не сложилось как мировоззренческая система. Среди населения бытовала идея общности византийского православия и единства Руси. Поэтому обе культуры – русская и украинская – трактовались как две дальнейшие редакции одной и той же культуры. Но каждая сторона придерживалась своих взглядов: выходцы из Украины считали московскую редакцию культуры испорченной неграмотными москвитями. А те, в свою очередь, считали украинскую редакцию культуры испорченной еретическими латино-польскими влияниями. Спор решил царь Петр I, отдав предпочтение украинской редакции, которая уже содержала в себе элементы европейской культуры и тенденцию к дальнейшей эволюции в этом направлении [11].

В итоге творческая деятельность украинцев стала неотъемлемой частью российской культуры. Например, Николай Лосский среди украинских деятелей в области русской культуры называл в первую очередь литератора Василия Капниста, переводчика “Илиады” Николая Гнедича, автора исторических романов Данила Мордовцева и популярного Владимира Короленко. В области философии это профессора Т. Осиповский, С. Гогоцкий и П. Юркевич. В области других наук – историк Н. Костомаров, лингвист А. Потебня, математик В. Имшенецкий, биолог О. Ковалевский, минералог В. Вернадский и его сын историк Г. Вернадский, геолог М. Андрусов. А еще целые семьи Данилевских, Петрушевских, Прокоповичей. В области живописи всем известны имена Антона Лосенка, Дмитрия Левицкого, Владимира Боровиковского, Ильи Репина, Михаила Врубеля. А куда девать из сферы музыки Михаила Глинку, Дмитрия Бортнянского, Максима Березовского, Артема Веделя? А просветителей Мелетия Смотрицкого и Степана Яворского? Как забыть тот факт, что в Славяно-греко-латинской академии более трех четвертей учителей, префектов и ректоров были выходцами с Украины, воспитанниками Киево-Могилянской академии, учителями ее, переведенными в Россию правительственными указами? Оценивая их деятельность, российский исследователь П. Знаменский в работе о духовных школах России, отмечает, что школьные администраторы и учителя были для учеников настоящими иностранцами, что приехали с какой-то чужой земли, которой тогда была Малороссия, со своими обычаями, понятиями и самой наукой, со своим малопонятным, страшным для великорусского уха языком [12].

Однако, насколько корректным может быть заключение Н. Трубецкого, что в XVIII веке произошла “украинизация” русской культуры? Здесь следует акцентировать внимание на том факте, что для полной победы на культурном фронте необходимо было бы достижение преимущества во всех сегментах культуры. А вот этого момента как раз и недоставало Украине XVII века. Украинская культура периода барокко – архитектура, живопись, церковное пение и проповеди – была по существу церковной. До тех, пока аналогичное положение дел было и в России, украинская культура была в наступлении: она завоевала церковь, словесно-богословское образование и науку, искусство и культуру в целом. Известная церковная реформа патриарха Никона была фактически проведена силами украинцев. Однако этого уже было недостаточно: Европа уже не жила исключительно церковной культурой. Да и в России Петр I еще использовал Стефана Яворского в качестве Президента Духовной Коллегии (Святейшего Правительствующего Синода) после последнего российского патриарха Адриана, как и Феофана Прокоповича в качестве первого вице-президента. Однако Петр I уже смотрел на Запад, чтобы позаимствовать оттуда необходимые ему элементы новой технической культуры.

Прорубив не без помощи украинской интеллигенции окно в Европу, Петр I впоследствии (после Полтавы) жестко отгородил Украину от Запада. При этом он оставил Киево-Могилянскую академию такой, какой она тогда была – лояльной и смиренной. И это впоследствии сыграло решающую роль: кто не идет вперед, тот отстает. В нашем случае отставание было безнадежным: в то время, как российская культура стала дополнять свою церковную сторону новой, технически-светской, украинская культура оставалась на старых позициях. В итоге она становилась старомодной, а старомодность вызывает смех. Насмешки убивают культуру. И уже в конце XVIII начале XIX веков положение принципиально изменилось: Украина, потеряв государственность (существующую до того в ограниченной форме Гетманщины), постепенно теряла свой авторитет и в сфере культуры.

С этого времени русская культура, интегрируя в себя интеллектуальный потенциал провинций, стала символом духовного прогресса. Украина же, лишенная культурной элиты, стала синонимом мужицкой нации, культурной отсталости и провинциализма. “Среди высших российских кругов, – писал украинский литературовед, академик С. Ефремов, – где еще в первой половине XVIII века передовые позиции занимали более культурные украинцы, началась решительная реакция: россияне теперь ответили мстостью за прошлое свое унижение, и конец века видит уже иное распределение культурных сил. Украинство – это

уже провинциализм, мужицтво, некультурность и грубость; “модное в то время осмеивание малороссов” стало вместо бывшей моды на украинцев в столице при царском дворе” [13].

В целом же привилегированная военно-бюрократическая каста России была вполне интернациональным, вернее – космополитическим образованием. Политика русификации была весьма дифференцированной – даже тем “инородцам”, которые принимали православие и русский язык, были открыты двери к высшим постам. Тем более это касалось православных выходцев из Украины – 25 тысяч семейств украинской казацкой старшины получили от империи звания российских дворян. Будучи инкорпорированными в высшие круги Российской империи, они достигали наивысших постов. И было бы несправедливо не замечать, что служба Российской империи на различных постах министров и послов, представители знатных украинских родов Безбородков, Завадовских, Гудовичей, Трошинских, как покажет ход дальнейших событий, вносили свой вклад (возможно, и не осознавая это в полной мере) в защиту геостратегических интересов будущей Украины.

Другое дело, что имперская служба преследует свою логику и требует демонстративного дистанцирования от собственного народа как критерия лояльности “высшим государственным интересам” России. Выходцы из Украины старались не выделяться из общей чиновничьей массы, русский канцелярский язык уже с середины XVIII века главенствует в делопроизводстве учреждений на территории Украины, а украинский народный язык трактуется “исчезающим наречием”, которое часто используется в театральных постановках для придания им комедийности. Постепенно теряется самоназвание украинцев: вместо этого внедряется официально-бюрократический термин “малороссиянин” – в сопоставлении с представителями “Великой Руси”.

В конечном итоге, украинское дворянство подверглось массовой русификации. И хотя многие представители этого класса все же исповедовали дух патриотизма, им была свойственна скорее двойственная лояльность: гражданская общерусская и украинская этническая. Если выйти за рамки русско-украинских отношений и посмотреть шире в плоскости решения задач “внутреннего колониализма”, то элита национальных окраин, которая могла бы возглавить национально-освободительное движение в своем регионе, с удовольствием поглощалась имперским бюрократическим аппаратом. После подчинения в 1686 году украинской церкви Москве, произошла также русификация священнослужителей. Вместе с тем, согласно переписи 1897 года половина священнослужителей Украины (близко 50 тыс.) признали украинский язык родным. Они жили в тесном контакте с крестьянами, работали учителями в церковно-приходских школах, однако никакого клерикального политического движения в защиту идеи независимой Украины не создали.

Истоки консенсуса

Что и говорить, имперская система России была именно такой, а не какой-либо другой. Однако возникает вопрос, почему длительное время в Украине ощущалось отсутствие какой-либо программной цели освободительной борьбы. Почему, за оценкой М. Грушевского, начиная со времен гетмана Ивана Самойловича (1672–1687), Гетманщина “тихо плыла, без всяких конфликтов и пертурбаций на буксире московской политики”? [14]. Конечно же, в первую очередь потому, что “именно среди политического затишья и лояльной покорности под региментом Самойловича и Мазепы закладывались прочные основы сословных прав казацкой старшины и помещичьего землевладения на Украине, которые развивались параллельно с постепенным уничтожением автономии и форм выборности казацкого правления” [15].

Однако, все это касается сословных интересов казацкой верхушки. А были ли общенациональные интересы, которые бы закладывали предпосылки украинско-русского консенсуса в рамках империи? В конце XIX века к вершинам историософского понимания всей сложности украинского пути, монархических предпочтений политического класса и откровенно промосковской ориентации казацкой элиты поднялся, очевидно, лишь

М. Драгоманов. Многие другие публицисты не пошли дальше деклараций о “продажности” украинских правящих верхов, их чуть ли не прирожденном “сервилизме”.

Не заходя слишком далеко в историю, отмечал М. Драгоманов, достаточно будет указать, что уже от митрополита киевского (1620) Иова Борецкого вся украинская интеллигенция, в том числе и казацкая, кланялась восточному царю как своему защитнику. Сам же И. Борецкий еще в 1624 году ставил перед российским царем вопрос об объединении украинского народа с российским. Антироссийские выступления отдельных украинских деятелей, подчеркивал М. Драгоманов, не делали погоды: и Мазепа в последние годы его правления, и Филипп Орлик с Костем Гордиенко были здесь исключением, а не правилом.

Драгоманов ставил ряд вопросов к своим современникам, которые актуальны и сегодня. Почему такие фигуры украинских гетманов как И. Выговский, П. Дорошенко, И. Мазепа и Ф. Орлик не нашли в свое время надлежащего места в устном казацком эпосе – думах и песнях, а если и нашли, то зачастую негативное? Почему народное самосознание в целом дистанцировалось от этих деятелей? Как дать объяснение тому, что украинский народ в 1708 году отказался от варианта “вестернизации” Украины в союзе со Швецией, претерпев нечеловеческие муки от карательных экспедиций Меншикова, но остался верным царю Петру I? Банальные ссылки на “холопский” характер украинцев вряд ли будут здесь корректными.

Если даже обратиться к такому патриотическому произведению как “История Русов” анонимного автора, то апелляция Мазепы к национальному фактору, призыв к осознанию себя отличным от Московии народом не сыграли, в конце концов, решающей роли. Если верить этому источнику, то главным фактором при выборе стать ли на сторону Карла XII или Петра I – было осознание принадлежности к православной христианской цивилизации. “Значит, – писал М. Драгоманов, – если кто хочет украсить патриотизм непременно “святынями”, то должен признать, что московский царизм является и украинской святыней и что вследствие этого старые украинские писатели, творя стихи на честь царизма, являлись вовсе историческими патриотами” [16].

Драгоманов акцентировал внимание на том, что борьба за национальную независимость может стать весомым фактором народной жизни лишь тогда, когда дело доходит до осознания на индивидуальном уровне своих материальных и моральных интересов. Под этим углом зрения, писал он, “московское царство принесло нам немало бед, потому что это такое правление, которое наделало и делает беду и своим” [17]. То есть, наряду с внешней колонизацией активно осуществлялась и колонизация собственно русских территорий. Однако при этом, считал украинский мыслитель, следует брать во внимание, что “все-таки то царство было определенной организацией общественных сил, к которой пристала и наша Украина и которая все же таки выполняла и наши национальные задачи, с того времени, как история сложилась так, что мы сами не могли их выполнить” [18].

Таковыми национальными задачами на то время были: освобождение украинского народа от татаро-турецкого насилия и от польского подданства. Именно политика Польши в XVI–XVII веках подталкивала украинский народ к союзу с московским царем, тем более, что союз с Портой и ее вассалом Крымским ханством был неперспективным. Последние смотрели на Украину, как на белую Африку, откуда они поставляли рабов, каторжников и янычар. “Без северных берегов Черного моря, – писал М. Драгоманов, – Украина невозможна как культурный край; мы имели те берега в часы Уличей, Тиверцев и Тмутараканьской Руси; мы отбили обратно часть их перед нападением турок в XV в. и вынуждены были, так или иначе, взять их потом. Не удалось нам это сделать под Польшей, с самим казачеством, то должно было это осуществиться под московскими царями (Польша была, собственно, государством Балтийского бассейна и вследствие этого безразличной к черноморскому делу, интересному для поднепровцев). Московщина как государство Балтийского и Каспийского бассейна тоже была безразлична к тому делу, но Донщина притягивала ее к Черному морю. Вот где фатальная причина, почему европейская, а не специально украинская, задача разрушить

Турцию XV–XVI вв. была выполнена в XVII–XIX вв. государством московским, а не польским... Народ наш это нюхом чуял” [19].

Обеспечение украинских геополитических интересов в рамках имперской системы России создавало основу для своеобразного украинско-российского консенсуса. Даже после разрушения Сечи в 1775 г. и введения крепостничества (к которому народ подвела сама же казацкая старшина), Екатерина II была достаточно популярной среди украинской политической элиты. Народ же утешался тем, что присоединение к империи буджацких, крымских и кубанских степей дало возможность крепостным массово убежать с Гетманщины и Правобережной Украины на “слободы”. Да и в XVII веке фактор массовой миграции из-под Польши в московские земли, где за короткое время выросла новая Слободская Украина, сыграл не последнюю роль в подписании Переяславских соглашений. Кроме того, повстанческое движение на Правобережье против польского гнета – Колиивские бунты 1733 и 1768 годов – осуществлялись под знаменем московским (настоящим или придуманным).

Ссылаясь на обозначенные моменты, М. Драгоманов считал, что только в час аграрных реформ 1863–1866 годов завершился, по существу, период украинской истории, начатый революцией Богдана Хмельницкого, и тем самым украинско-российские отношения вошли в принципиально новое русло. В преддверии этих реформ в рамках Российской империи была выполнена элементарная геополитическая задача Украины: во второй половине XIX века народ, расселённый на достаточно обширной территории, был защищен от внешней угрозы. “Теперь, – писал М. Драгоманов, – только и могло проясниться дело о том, как освободиться Украине и от московского чиновничества, как интеллигенции украинской организовать вместе с народом, поднять украинскую национальную культуру и т.д.” [20]. То есть, Украина внутренне концентрировалась на реализации своего “украинского проекта”, который отныне составлял уже конкуренцию “проекту русскому”, “русской идее”.

Борьба Украины за национальное самоопределение не мыслилась в то же время без борьбы за социальный прогресс. Правда, с весьма существенной оговоркой: освобождение Украины М. Драгоманов небезосновательно связывал с общедемократическими процессами в самой России. Он отдавал себе отчет в том, что “до конституции в России правительство никогда не позволит даже украинской проповеди в церквях, ни языка в школе и на селе” [21]. Только утверждение демократических свобод в России открывало путь для общественно-политической организации украинцев.

Однако, не все так сложилось, как замышлялось.

Ирония истории: расплата

В деле внутренней колонизации причерноморских и приазовских степей, да и всего степного массива от Заволжья и Башкортостана до Забайкалья и Зеленого клина Приморского края украинцы шли “второй волной” аграрного освоения этих территорий после “первой волны” – их военно-административного присоединения российскими властями. Засеяв пшеницей и гречихой эти степные просторы Российской империи, украинцы отличились и в освоении степей Канады, и в возделывании южноамериканских прерий Бразилии и Аргентины. Вместо обустройства собственной земли, ее последующей урбанизации, многие украинцы превратились в демографического донора иных народов и цивилизаций. Беспрестанная миграция в чужие окраины, где они вынуждены были интегрироваться в новые этносоциальные организмы, обескровливала процесс формирования молодой украинской нации.

Вместо того, чтобы вливаться в городское население, осваивать новые виды производства и новые формы жизнедеятельности, украинцы в массе своей воспроизводили привычный образ жизни и занятости в сельском хозяйстве. В итоге, на час провозглашения независимости Украины в 1917 году 90% украинцев на своей земле составляли крестьяне. А эта социальная страта, как показывает история, не способна обустроить государственную жизнь. К тому же крестьяне имеют склонность сводить любой революционный процесс к бунту “против всех” – кровавому и часто бессмысленному – ярким примером чему служит

жизнь и деятельность Нестора Махно, где традиции казацкого Гуляйполя свели процесс государственного строительства к анархии.

Процесс “внутренней колонизации” кубанских степей привел к особо показательному искажению национальной судьбы украинцев. В эти степи по приказу Екатерины II в 1792 году переселили тех запорожских казаков, которые после разрушения имперским войском Запорожской Сечи согласилось осесть на “подаренной” царицей новой земле. В процессе этой целенаправленной колонизации запорожцы превращались по существу дела в высокоэффективный “спецназ”: защитной полосой украинцев Российская империя усиливала свои границы перед вольнолюбивыми кавказскими горцами (разумеется, такая же роль отводилась и русскому казачеству – донскому, и позже созданному терскому). Разве что украинское Черноморское казачество, а, в особенности, так называемые пластуны, были в высшей степени профессионально подготовленными для осуществления тех целей и функций, которые ему “делегирует” царизм.

Впоследствии Александр II сформулировал, что “эта цель заключается в завоевании Кавказа путем его колонизации, и в этой колонизации казаки призваны играть главную роль не только своей военной службой, но они должны сверх того, являться первыми переселенцами на завоеванных местах и закреплять их своими станицами”. Комментируя это наставление, академик И.Дзюба обращает внимание на горький исторический парадокс глубокого травмирования национального чувства украинцев: “казачество, образовавшееся из людей, искавших свободы от крепостнического государства, было использовано этим государством в своих интересах, для подавления свободы других народов. Так были посеяны ядовитые и устойчивые семена межнациональной вражды. Жертвой имперской политики стало и украинское черноморское, кубанское казачество” [22].

Впоследствии этот своего рода “первородный грех” Черноморского казачества обернулся против самих украинцев. Так, например, конец 1918 года был ознаменован воистину фатальными событиями в истории украинского народа. На Надднепрянской Украине набирала сил вторая волна национально-освободительной борьбы против гетманского прогерманского правительства Павла Скоропадского, вследствие чего была возрождена Украинская Народная Республика (УНР), провозглашенная еще в 1917 году. В октябре 1918 года распалась Австро-Венгерская империя, и в Галиции 1 ноября было создано Западно-Украинскую Народную Республику (ЗУНР). На Кубани 18 декабря 1918 года Краевая Рада приняла “Временное положение об управлении Кубанским краем”, поставив задачу положить конец анархии и самостоятельно укрепить государственность в пределах края.

Все три государства возникли в пределах этнического расселения украинцев. В одном государстве – властью была Директория, возглавляемая В. Винниченко (впоследствии – С. Петлюрой). ЗУНР возглавлял президент Е. Петрушевич. На Кубани же во главе правительства был украинец Л. Быч. Таким образом, три преимущественно населенные украинцами республики сосуществовали рядом друг с другом, однако они были если не чужими, то, во всяком случае, довольно таки отчужденными друг от друга. Каждый из трех лидеров этих государственных образований пылко любил “неньку-Украину”, но при этом имел свое собственное представление о национальном благе, что, в конце концов, сводилось к обеспечению узких интересов тех или других социальных слоев или политических группировок.

Три государственных образования, населенные преимущественно украинцами, в одно и то же время – это уже было на грани иррационального. На грани, ибо в Галиции хотя бы был поставлен вопрос об объединении с Надднепрянской Украиной, а на Кубани и до этого не дошло. Хотя в декларациях кубанцы пылко приветствовали братьев-украинцев, но в конечном итоге сословные групповые интересы “кубанского казачьего войска” превышали национальную солидарность. Приближался трагический для этих трех республик 1919 год.

Ирония истории этого периода состояла в том, что все три республики были повержены рукой великодержавной деникинщины, с которой – и в этом суть вопроса – они или объединялись в годы гражданской войны, или, во всяком случае, стремились к этому объединению.

Второй аспект иронии истории проявился в том, что ориентируясь на демократические государства Антанты, все новообразованные украинцами государства, были, в конце концов, подведены под флаги “единой и неделимой” России.

Третий аспект иронии истории нашел свое проявление в “эффекте бумеранга”: подавляющее большинство личного состава денкинских войск составляли кубанские казаки, потомки славных запорожцев, которые оккупантами вторглись в земли своих дедов и прадедов с тем, чтобы разрушить зарождающееся украинское государство, закрыть украинские школы, запретить постановки “Наталки-Полтавки” в народных театрах и т.д.

Спустя десятилетие, политика “внутреннего колониализма” пожалала свою скорбную жатву в период Голодомора в 1932–1933 годах, как в пределах Украинской ССР, так и на Кубани. Но это уже отдельная глава истории, требующая самостоятельного изложения.

XXX

В завершение вернемся к метафоричности Николая Гоголя. Знаете ли вы украинскую ночь?

Нет, вы не знаете украинской ночи! Особенно это касается ночи перед Рождеством. Да и летней ночи, где до сих пор на всеукраинской Сорочинской ярмарке под окнами хат шатается со свиным рылом *красная свитка*, смущая православный люд призывом “вернуть все богатство народу”. А на призыв встать в полный рост на пути евроинтеграции, некоторые правнуки запорожцев, под дикий хохот Басаврюка, до сих пор традиционно отвечают: “Не встанем, мамо! не встанем! умрем, а не встанем!”.

Однако, по законам жанра, скоро будет светать... А затем пропоют и третьи петухи.

Список использованных источников

1. *Осторожно, украинофобия!* ИноСМИ – все, что достойно перевода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20090528/249459-print.html>
2. *Сайт* Андрея Ильницкого (www.amicable.ru) Отношение россиян к украинцам становится лучшим за последние полтора десятилетия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://amicable.ru/news/2012/12/13/4717/otnoshenie-rossian-k-ukra...>
3. *Выступление* Владимира Путина на заседании клуба “Валдай” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>
4. *Там* внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. – М., 2012. – Новое литературное обозрение. – С. 145.
5. *Там же*. – С. 13.
6. *Там же*. – С. 14.
7. *Там же*. – С. 25–26.
8. *Там же*. – С. 24.
9. *Там же*. – С. 23.
10. *Детальной см.*: Кремень В., Табачник Д., Ткаченко В. Україна: проблеми самоорганізації. : [в 2 т] К., Промінь, 2003. – Том. 1. Критика історичного досвіду. – 384 с.
11. *Трубцевої Н.* Наследие Чингисхана, – М.: Эксмо, 2007. – С. 523–545.
12. *Знаменский Н.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. – Казань, 1881. – С. 435.
13. *Єфремов С.* На переломі двох епох (Іван Котляревський) // Котляревський І. Твори. – К., ДВУ. – 1926. – С. 13.
14. *Грушевської М.* Очерки истории украинского народа. – К., 1991. – С. 226.
15. *Там же*. – С. 233.
16. *Драгоманов М.* Листи на наддніпрянську Україну // Драгоманов М.П. Літературно-публіцистичні твори. – Т. 1. – С. 443.
17. *Там же*. – С. 443–444.
18. *Там же*. – С. 444.
19. *Там же*.
20. *Там же*.
21. *Там же*. – С. 448.
22. *Дзюба І.* “Кавказ” Тараса Шевченка на фоні непереходячого прошлого. – К., 1996. – С.65.

Василь Ткаченко

ФЕНОМЕН “ВНУТРІШНЬОЇ КОЛОНІЗАЦІЇ” В УКРАЇНСЬКО-РОСІЙСЬКИХ ВІДНОСИНАХ (ІСТОРИЧНИЙ АСПЕКТ)

У статті аналізується сучасне розуміння феномена “внутрішньої колонізації” на прикладі українсько-російських відносин XVII–XXI століть.

Ключові слова: внутрішня колонізація, національна ідентичність, іногородці, екзотизація України, гібридизація образу українців, “українізація” російської культури, русифікація українців, українсько-російський консенсус, ідентичність опору.

Vasyl Tkachenko

PHENOMENON “INTERNAL COLONIZATION” IN UKRAINIAN-RUSSIAN RELATIONS (HISTORICAL ASPECTS)

The article examines the current understanding of the phenomenon of “internal colonization” by the example of Ukrainian-Russian relations XVII–XXI centuries.

Key words: internal colonization, national identity, aliens, exoticization Ukraine hybridization image of Ukrainians, “ukrainization” Russian culture, Russification of Ukrainians, Ukrainian-Russian consensus identity resistance.